

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)6 Леонов Л. М.

Щелокова Лариса Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы,
Институт гуманитарных наук,
Московский городской педагогический университет,
Сельскохозяйственный проезд, д. 4, 129226 г. Москва, Российская Федерация
E-mail: Lariva2007@yandex.ru

ИДЕЯ ПОБЕДЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Л. М. ЛЕОНОВА 1945 г.

Аннотация: Целью статьи явился анализ развития идеи Победы в публицистике Л. М. Леонова 1945 г., рассмотрение философской и метафорической образности данного понятия, трактуемого писателем как новый этап существования человечества с неременной сменой мировоззрения. Проанализирована мотивная структура семантического комплекса Победы, выявлено, что в понимании писателя Победа восстанавливает генетическую память народа, его духовную родословную, собирает нацию, написавшую святую книгу истории страны, куда вошла и Великая Отечественная война. Окончательная Победа зафиксирована возвращением воинов в отчий дом. Данный сакральный мотив сопряжён с насыщенной символикой хлеба, с мотивами вспаханной земли, мирового древа, символизирующих возрождение после зимы/войны. Ожидание нового урожая, обрамлённое торжественной песнью/гимном, воплощает соборность победителей. Принцип пространственного и онтологического контраста, положенный в основу статьи «Русские в Берлине», — победители приходят в страну поверженного врага, приводят к раздумьям о национальном самосознании. Его персонифицирует праматерь русского народа — мать русских богатырей, в данном образе угадывается не только Родина-Мать в патриотическом толковании, дающая жизнь, язык, сознание, но и образ Пресвятой Богородицы, благословляющей ратников на их подвиг.

Ключевые слова: Л. М. Леонов, публицистика, литература о Великой Отечественной войне, русская литература XX в., сакральное.

Понятие *Победа* многозначно, его смысловое поле включает стремления человека *осилить, одолеть, превозмочь, побороть, смирить, покорить, совладать*. В указанных семантических границах реализуется идейный *комплекс Победы*, воплощённый в статьях публицистов эпохи Великой Отечественной войны. *Идея Победы* анализируется Л. М. Леоновым в ряде статей с глубоким философским смыслом.

В 1945 г. сокровенная мысль о Победе в изнурительной войне претворена писателем в сложную метафорическую картину. Хронологический порядок статей, созданных в период апреля-июня 1945 г., выявляет в условном смысле *движение света*, что синонимично *идее Победы*. Тему открывает статья с ключевым названием «Утро Победы» (30 апреля 1945), заглавия последующих статей, большей частью формируя доминанту радости/света, ознаменуют новый этап. Утверждается не только фаза обновления жизненного цикла, но и качественное изменение существования человека на земле. По мысли автора, после одоления фашизма должна произойти смена мировоззрения.

Начальная стадия поступательного движения к *свету/освобождению*, т. е. «Утро Победы» осмысливается с позиции свершившейся гибели фашизма: «Германия рассечена. Зло локализовано» [1, с. 179]. Территориальное единство Зла разрушено, раздробленность ведёт к неизменному крушению, показанному метафорически: «Война подыхает. Она подыхает в том самом немецком рейхе, который выпустил её на погибель мира» [1, с. 179]. Ритм речи усиливает впечатление краха, его необратимость дополнена выразительными деталями: «Она корчится и в муках грызёт чрево, её породившее. Нет зрелища срамней и поучительней: дочь пожирает родную мать. Это возмездие» [1, с. 179]. Кольцо замкнулось, т. е. враг, посягнувший на естественное право человека — жить, повержен, возвращён в исходную точку. Мифологическая образность укрепляет осознание Победы над врагом, символизирующим ночь, её предыстория представлена процессом возникновения *гигантской человекожабы*, которую фашисты взращивали тысячелетия, ей «холили когти, поили до отвала соками прусской души» [1, с. 179]. Когда подросткую жабу вывели из тьмы «на белый вольный свет», жаба обвела его «мутным зраком» [1, с. 179]. Мир затих. Полагаем, что застывшая тишина порождена нерешительностью человечества перед грядущей агрессией фашизма, автор сокрушается: «...четыре миллиарда людских рук горы расплющат объединяясь» [1, с. 179].

Победа в войне — завершённая битва с выползшим из тьмы Зверем возможна только при напряжении всех сил Советской армии, олицетворяющей свет. Возвращённый в мир *День* ознаменован ожиданием первого луча солнца. Оппозиция *света/тьмы*, где восход уничтожает тьму, включает историософскую категорию — веру в миссию России: «Плохо пришлось бы нам, кабы не песенная живая вода нашей веры в своё историческое призвание» [1, с. 179]. Усилия народа в завоевании Победы осознаются как последовательные этапы сражения со Зверем, «истошный вопль» которого был услышан ещё под Москвой. Последующая битва на Волге обрела уже вселенский масштаб, её исход значим не только для России, но и для жителей других стран: «Эта священная русская река стала тогда заветной жилочкой человечества, перекусив которую зверь стал бы почти непобедимым» [1, с. 180]. Символика сохранённой *жизни/жилочки* реализована в мифологической картине сокрушительного удара по врагу, Россия «вогнала ему под вздох, туго, как в ножны, рогатину своей старинной доблести и непревзойдённой военной техники» [1, с. 180]. Отвага современных воинов проецируется на героические достижения предков, проявлявших *доблесть*, чем и обусловлен *эмоциональный рассвет*: «Хотя

до рассвета было ещё далеко, человечество впервые улыбнулось сквозь слёзы... О дальнейшем, как мы преследовали и клочили подбитую гадину, пространно доскажет история» [1, с. 180]. В данном контексте *слёзы*, порождённые *тьмой*, освобождают человечество от внутреннего *неверия*, *безысходности*, поэтому подразумевается не только страдание от перенесённых испытаний, но и преодоление духовной слепоты, приведшей к войне, неспособности различить зло в момент его зарождения. Единый путь к спасению, по мысли писателя, человечество должно начать с признания общей вины за содеянное, он призывает гуманистическое сообщество к недопустимости подобных преступлений: «Мы поднимаем голос лишь потому, что, к стыду человеческой породы, кое-кто в зарубежных подворотнях уже высовывает шершавый свой язык на защиту палачей» [1, с. 180]. Необходимо найти противоядие от вседозволенности. В орбите иронического взгляда публициста оказывается «сам римский первосвященник...» [1, с. 182], в его поведении усматривается молчаливое одобрение преступлений. На фоне одобрения, оскорбительного для миллионов жертв войны и греховного небрежения, звучит клятва, которую писатель даёт будущим поколениям: «Нет, не помилим, не отпустим, не простим. Не предадим наших великих мертвецов» [1, с. 183]. Многократное отрицание, усиливая эмоциональную составляющую, образует энергичный ритм торжественного ритуала. Духовное зрение, обострённое опытом страдания, должно наделять человека способностью распознавать зло в любом обличье: «...обшарим горы, подыдем каждую песчинку в захолустьях далёких материков» [1, с. 183]. Залог недопущения будущих преступлений видится в том, чтобы не помиловать «ни дворца, ни хижины, где застигнут притихших перелицованных беглецов», обуглить «самую землю, давшую им пристанище» [1, с. 183]. Автор убеждён: «Только беспощадностью к злодейству измеряется степень любви к людям» [1, с. 183]. Категоричность высказывания сродни лозунгу о нравственном совершенствовании человечества.

Характер воинов Победы сформирован не только героическим наследием, подвигами предков, но и верой праотцов, неизменно поддерживавшей бойцов в нынешней битве, поэтому, ведя бои за Родину на земле врага, они чувствуют, что «уже несправедная немецкая земля под сапогами <...>. Это утро, и скоро день...» [1, с. 184]. Победа над врагом возможна только на его *несправедной* земле, путь к ней лежит через ещё зыбкое *утро*, оно гарантирует наступление *дня*. Защиту бойцам на грешной вражеской земле обеспечивают сакральные ценности России, безжалостно поруганные врагами, но не утратившие своей силы. Ещё недавно враги не щадили «ни красоты наших городов, ни древности святынь, ни даже невинности наших малюток, — самые избы, цветы и рощи наши казнили они огнём лишь за то, что это славянское, русское, советское добро» [1, с. 179]. Осквернение святынь породило стремление отомстить, возбуждая и укрепляя родовую память. *Мотив возмездия* фашистским преступникам трансформируется в *мотив предупреждения* человечества, в связи с этим можно говорить об их слиянии: «Даже когда отомрёт звериный хвост у человечества, всё же останутся в порах земли микробы и алчности, и недоумения, и похоти... Планету не вскипятишь!» [1, с. 182]. Не ослабевает тревога за способность человека будущего опознавать и различать бациллы фашизма,

забота об этом в определённой степени удерживает *состояние порога* — на грани *ночи и утра*. Возможностей *возвращения к ночи* много, а путь к *утру и дню* — один: через духовную зоркость и непримиримость к проявлениям насилия.

Утверждение *Победного дня* на земле достижимо только при полном уничтожении фашизма: «Потом пепел, смрад и вздыбленный прах медленно осядут на остывающие камни Германии, и тогда для человечества наступит слепительный полдень, который пусть никогда уж не сменится ночью» [1, с. 184]. В картине символического погребения фашизма на камнях *неправедной* страны, выделяется значимое в словаре писателя слово *слепительный*, со значениями *ослепляющий, затмевающий*. Думаем, что его смысл дополнен и духовным опытом трагедии войны с многомиллионными жертвами, омрачающей общую радость Победы. Прославление погибших венчает торжество *Дня*, бессмертие *Победы*: «Слава вам, повелители боя, сколько бы звёзд ни украшало ваши плечи; слава матерям, вас родившим, слава избам, которые огласил ваш первый детский крик; слава лесным тропкам, по которым бегали в детстве ваши босые ножки; слава бескрайним нивам, взрастившим ваш честный хлеб; слава чистому небу, что свободно несло в юности над головами вашими!.. Живи вечно, мой исполинский народ, ликуй в близкий теперь день торжества великой правды...» [1, с. 184]. Финал статьи провозглашает заключительный аккорд в деле *Победы*, бессмертной *Славы* победителей, её необратимость: «Наше дело правое. Мы сказали. Слово наше крепко. Аминь» [1, с. 184].

Мотив торжества *свободы, утра*, преобразуется в мотив *весны/молодости* в статье «Весна народов» (1 мая 1945), в зачине которой говорится о пробуждении жизни: «Кончилась затянувшаяся зима. Священная весна с её дарами проходит по земле. Пускай пока не в полную силу — во всём сквозит её улыбка. С каждой минутой праздничной становится на сердце, и молодеют даже старые камни на растемнённых московских улицах. Вот она, отвоёванная и возвращённая молодость!» [1, с. 185]. Классическая оппозиция *зимы/весны* в данном контексте трактуется как *война/мир*. Образ весенней *улыбки-Победы* рассеивает тьму на улицах Москвы и в душах людей. Победная весна включена в историческую перспективу, ещё одно выдержанное испытание умножает величие страны: «Через много вёсен прошли старшее и юное поколения советских отцов и детей, которые создавали наше нынешнее величие. Каждая из них была новым, незабываемым шагом к осуществлению мечты, но этот Первомай неизмеримо значительнее прочих. Он выводит нас как бы на вершину горы, откуда виден весь лежащий как на карте необъятный мир, его долины и реки, движение людских племён и, наконец, самая поступь истории» [1, с. 185]. Торжественное шествие поколений, их многовековое преодоление невзгод, всеобщее движение к мечте не только являет накопленный духовный опыт народа, но и напоминает о соборности с закономерным образом вершины горы. *Священная весна* упрочивает статус народа-победителя в зените славы и единения, демонстрируя его внутреннюю силу, космическая точка обзора позволяет увидеть историю страны, обнаружить истоки национального характера и самосознания. Восхождение народа сообщает ему духовную энергию: «Тёплый ветер изобилия и плодородия дует нам в грудь, а по нагорьям внизу теснятся толпы новоприобретён-

ных друзей, завтрашних братьев и соратников в устройении земных судеб» [1, с. 185]. Выстроенная вертикаль образует космогоническую картину мира, где враг исчезает в небытии: «В громадном утреннем небе тают и плывут последние, разъятые на части, призраки ночи, похожие то на обмякшую тушу Муссолини, то на что-то ещё более гнусное, чьим именем не надо сквернить блеск этой первомайской страницы. Кажется, минуло лютое сновиденье, терзавшее мир последнее десятилетье» [1, с. 186].

Печаль о погибших, их нереализованном творческом потенциале, о бесчисленных разрушениях, причинённых войной, передана в интонации плача: «О, если бы был услышан в самом начале наш предостерегающий голос, из них могли бы быть созданы армии строителей и творцов, способных стократ умножить благоденствие планеты» [1, с. 186]. Мысль о высоком мирном предназначении человека и невозполнимой утрате приобретает свойство лейтмотива. *Весна народов* — символ единения людей, переживших зимы войны, автор обращается к разумному человеку, для которого «эта весна — не просто воскрешение скованной природы, звонкий месяц молодости, май; она есть весна народов, потрясённых и оскорблённых фашизмом в своём человеческом достоинстве» [1, с. 186]. Воздух победного полдня, пронизанный солнечным светом, возвращает к жизни, он богат дарами, которые люди «сами добыли <...> из кромешной тьмы, сами творили <...> совместно с ярким солнцем и уже настолько постигли их устройство, чтобы стать мастерами собственного счастья» [1, с. 186]. Предположим, что речь идёт о *сотворённой молитве*, благодаря которой человечество проложило себе путь от язычества (*тьмы/врага*) к христианству (*свету*). Счастье, добытое из *тьмы/хаоса* и страдания, ведёт человечество к *Преображению*, внутреннему *свету/гармонии*. Путь спасения Германии, по мысли писателя, тоже лежит через страдание: «И если остались в Германии мыслящие люди, они должны быть глубоко благодарны Красной Армии за то, что она через страдание возвращает их стране давно утраченную человечность» [1, с. 187]. Целительность страдания, осознание вины способно возродить к духовной жизни даже сторонников фашизма, вывести их на новый уровень морального очищения.

Принцип пространственного и онтологического контраста лёг в основу статьи «Русские в Берлине» (7 мая 1945): победители приходят в страну поверженного врага. Размышления об итогах войны сопряжены с раздумьями о национальном самосознании, его персонифицирует прамактерь русского народа — мать русских богатырей. Её яркий портрет воспринят современниками: «И мы отсюда видим, какие лучистые, усмешливые, весёлые становились у старушки глаза, когда летели в бранном поле ошмётки от врага» [1, с. 190]. Угадывается не только Родина-мать в патриотическом толковании, дающая жизнь, язык, сознание, но и, думаем, образ Пресвятой Богородицы, благословляющей ратников на их подвиг. Роль Матери в обороне Родины первостепенная — ей доверена тайна рождения и воспитания героев: «А как она растила своих сынов, какой росной водой умывала, какой живительной песней их сон баюкала — про то в сказках не сказывается: это тайна народа моего» [1, с. 190]. Древний образ Матери восстанавливает связь времён и онтологическую модель Бытия.

Мифологический ряд расширяет философский смысл Победы в статье «Имя радости» (11 мая 1945), где радость Победы обретает вселенские масштабы: «Ещё не изведанным волнением до отказа переполнена вселенная, и кажется, что даже солнцу тесно в ней. Трудно дышать, как на вершине горы... Так выглядел первый день Победы» [1, с. 194]. Новизна чувства связана с восхождением человечества на *вершину*, рождается ассоциация с начальным временем создания мира, организации жизни по строгим моральным нормам, поэтому Победа предстаёт субстанцией, заполняющей воздушное пространство, дающей исток качественно новому существованию человека на земле. Данная возможность получена в конце тяжёлого пути к великой цели, в период взросления народа: «...эти битвы принесли нам зрелость для будущего» [1, с. 194]. Новая жизнь после Победы мыслится земным раем: «Мало прийти в землю обетованную, надо ещё распахать целину, построить дома на ней и оградить себя от зверя. Мы совершили всё это, первые поселенцы в стране немеркнущего счастья» [1, с. 194]. Достигнутая цель формулируется в мифологическом ядре: Победа — это *земля обетованная*, обещанное спасение и избавление от *плена тьмы* возможно при строгом ограждении от скверны. Обетованная земля осваивается с именем Бога, благословляющего людей на жизнь после войны. Удостоены этой высокой чести не только страдальцы-труженики войны, но и благодарные потомки, хранящие память о Победе. Завоёванное счастье необходимо осознать в духовной перспективе. Спустя годы нужно оценить и вспомнить о подвижничестве людей в годы войны. Осмысливается преобразующая роль настоящей Победы и её истинная цена: «Если донныне празднуются Полтава и поле Куликово, на сколько же веков хватит нынешней нашей радости? Только она выразится потом не в торжественных сверканьях оркестров, не в радугах салютов, а в спокойном вещественном преображенье страны, в цветенье духовной жизни, в долголетьи старости, в красоте быта, в творчестве инженеров и художников, садоводов и зодчих. Немыслимо в одно поколение собрать урожай такой победы» [1, с. 194].

Победа понимается и как урожай *хлеба духовного*, собранного по крупицам народом: «Советские люди сеяли её долго, каждое зёрнышко было опущено в почву заботливой и терпеливой рукой. В зимние ночи они своей улыбкой грели её первые всходы, они берегли их от плевела и летучего гада, — и вот под сенью первого ветвистого и плодоносного дерева собираются на пиршество воины и кузнецы оружия. Они запевают песню новой мирной эры. И если только человечество сохранит мудрость, приобретённую в войне, как оно стремится сберечь боевую дружбу, этой величавой заповке подтянут все..., а песня — как братский кубок, она сроднит народы на века! Какой нескончаемый праздник предстоит людям, если они не позволят подлым изгадить его в самом зародыше» [1, с. 195]. Насыщенная символика *хлеба*, связанная с мотивами вспаханной земли, мирового древа, воплощает возрождение после *зимы/войны*, ожидание нового урожая сопровождается торжественная *песнь/гимн*, олицетворяющая соборность победителей. Призыв к созидающей *мечте-оберегу* от зла, обусловлен думой о счастливом будущем: «Давайте мечтать и сообща глядеть за горизонты грядущего столетия, — отныне это тоже становится умной и действенной работой. Мечтой мы победили тех, у кого её не было вовсе:

было бы кощунством считать за мечту их замысел всеобщего скотства» [1, с. 195]. Идея нравственного очищения воплощена в утопическом образе будущего мира, он предстаёт *гордым, честным, строгим и благоустроенным*, в нём: «...новые святыни воздвигнутся по лицу земли взамен разрушенных варварством» [1, с. 195], главной святыней, по мысли автора, станет «постоянное горение живого человеческого духа» [1, с. 195]. Жизнь будущего общества исключит разрушение, человек реализуется в созидании: «На планете станут жить только мастера вещей и мысли, подмастерья и их ученики; многообразен труд, и только руки мертвеца не умеют ничего» [1, с. 195]. Человек обязан осуществить своё предназначение, создав условия для красоты в мире: «...та самая красота, за которую бились герои и которую люди иногда стыдятся называть, ибо наивно звучит всякая вслух высказанная мечта» [1, с. 195].

Окончательная Победа зафиксирована в статье «Полдень Победы» (25 июня 1945) возвращением *воинов в отчий дом* [3]. Онтологический мотив возвращения домой с его ключевыми смыслами — взросление героев, их личностный рост сопряжён с приходом в священное место страны — на Красную площадь: «Сюда глядит история с кремлевских башен <...>. Сегодня эта площадь — как ладонь Родины с горстью отборного зерна сталинского урожая» [3]. Красная площадь — аксиологический центр страны — аккумулирует в себе созидательную энергию, образ зерна на ладони — с одной стороны, — результат усилий пахаря, с другой — зародыш новой жизни. Выдержанные воинами испытания наделяют их священным правом — владеть *ключами счастья*, отбитыми ими у смерти [3]. Возможность *открывать* или *закрывать счастье* воплощает мечту о социальном благоденствии: автор разделяет общенародную надежду на счастливую свободную жизнь в Советской России после войны. Надеждой на стабильное счастье обусловлена и сакрализация Победы, «наш великий семейный праздник, где равноправно пируют за братским столом и доблестные труженики войны, и солдаты оборонных цехов», «Победа есть сокровище, производное от всех других народных сокровищ. Её следует беречь бдительней, чем зеницу ока: у неё цена крови, тяжёлых жертв!..» [3]. Победа отнесена к Вечности, к торжеству приглашены и «павшие в бою» [3], сожаление об их не претворённых в жизнь мечтах и замыслах звучит с особой болью, будущая счастливая страна не увидит их воплощения: «О, эти непостроенные дворцы и неоткрытые тайны природы, ненаписанные книги и нерасцветшие сады!..» [3]. Мотив эпитафии, поклонение погибшим воинам останавливает время, чтобы отдать дань уважения павшим.

Мысль о длительности состояния Победы формулируется в открытом публицистическом слове: «Победа не есть событие одного мгновенья, такое вино не выпивают залпом...» [3]. Перечисляются составляющие Победы по принципу нарастания — по мере удаления во времени от настоящего момента: салюты, поэмы, тучные поля: «...какие арки величественней, чем радуги стольких салютов в небе отчизны? Какие поэмы полнее расскажут о делах ваших, чем эти мирные, тучные поля, как чаши с молоком, налитые созревающим урожаем и отвоёванные вами у гибели» [3]. Метафоризация полноты жизни, изобилия возвышает духовный облик России:

«Для народа, поднимающегося по исторической лестнице, каждая ступенька выше и краше предыдущей. Вот где у России на мир и на себя открылись орлиные очи!» [3]. Восхождение страны сопряжено с построением земного рая: «Мы ещё на своём веку хотим увидеть абсолютное материальное благополучие, которое есть почва для абсолютного земного счастья, — и мы уже видим, хотя бы на советском куске суши, этот преображённый мир» [3]. Осознание и осозание духовной почвы приводит к расширенному толкованию образа дерева: «Обширно и ветвисто генеалогическое древо нынешних героев; не вчера начались — творенье нового мира и бессмертный подвиг нашей отчизны» [3]. Настоящую Победу творили люди, помнившие о славе своих предков, в знак благодарности им: «...давайте поклонимся земно и всей нашей дальней и ближней родне, которая на протяжении столетья вкладывала свои кровь и жизнь или хотя бы мысль и труд в дело победы. Поделится с ними нашей славой» [3]. Победа восстанавливает генетическую память народа, его духовную родословную, собирает нацию, написавшую «святую книгу» [3] истории страны, куда вошла и Великая Отечественная война. Чтить память о ней должно долго, поэтому в финале автор обращается к детям — наследникам: «Дорогие, отроки и девочки, и вы — совсем маленькие! <...> Пусть в вашей невинной памяти запишется этот день, полный всяческих благодеяний. <...> И если когда-нибудь усталость надломит ваше вдохновенье или грянут чёрные минуты, <...> вспомните этот день, и вам смешна станет временная невзгода» [3]. Завет будущим поколениям состоит в сбережении заповедной памяти о Победе и в ответственности за утверждение и сохранение новой гуманистической веры.

Постижение развития идеи Победы в статьях Л. М. Леонова завершающего этапа войны углубляет понимание философского и символического синтеза мыслей и образов, составляющих идейный комплекс Победы. Размышления о статьях писателя расширяют представление о значении публицистического жанра в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Леонов Л. М.* Собр. соч: в 10 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 10: Публицистика; Фрагменты из романа / примеч. О. Михайлова. 736 с.
- 2 *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПб», 2010. 703 с.
- 3 Полдень победы. Леонид Леонов. URL: <http://www.leonid-leonov.ru/polden-pobedy.htm> (дата обращения: 23.08.2014).

* * *

Shchelokova Larisa Ivanovna,
*PhD in Philology, Associate Professor,
the Department of Russian literature,
Institute of Humanities Sciences, Moscow City Pedagogical University,
Sel'skhozjajstvennyj proezd, 4, 129226 Moscow, Russian Federation
E-mail: Lariva2007@yandex.ru*

THE IDEA OF THE VICTORY IN L. M. LEONOV'S JOURNALISM OF 1945

Abstract: The purpose of the article is to analyze the development of the idea of victory in L. M. Leonov's journalism of 1945, to consider philosophical and metaphorical imagery of this concept, which is interpreted by the writer as a new stage of human existence with the indispensable change of outlook. The motive's complex semantic structure of Victory was analyzed, it was found, as the author understands it, that the victory restores the genetic memory of the people, their spiritual ancestry, gathers the nation, which has written the book of the history of the country, which included the Great Patriotic War. The final Victory is marked by the return of soldiers to their family homes. This motif is associated with the sacred symbols of bread, motifs of plowed land, the world tree, symbolizing rebirth after winter / war. Waiting for the new crop, framed by a solemn song / hymn embodies collegiality of winners. The principle of ontological and spatial contrast is the basis of the article «Russian Berlin» — the winners come to the country of the defeated enemy and it leads to the reflections on the national consciousness. It is personified by the foremother of the Russian people — the mother of Russian heroes. Not only the Motherland is seen in this patriotic interpretation, which is the life, language and consciousness, but also the image of the Holy Virgin Mary, blessing the Warriors

Keywords: L. M. Leonov, journalism, the literature of the Great Patriotic war, Russian literature of the 20-th century, the sacral.

REFERENCES

- 1 Leonov L. M. *Sobranie sochinenij: v 10 t.* [Collected works in 10 volumes]. Moscow: Hudozh. lit., 1984. Vol. 10: Publicistika; Fragmenty iz romana [Publicism fragments from the novel], primech. O. Mihajlova 736 p.
- 2 Lotman Ju. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Peterburg, «Iskusstvo – SPB», 2010. 703 p.
- 3 *Polden' pobedy. Leonid Leonov* [Victory Midday. Leonid Leonov]. Available at: <http://www.leonid-leonov.ru/polden-pobedy.htm> (Accessed 23 August 2014).